

ИДЕИ АКАДЕМИКА А.Д. САХАРОВА И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

© 2021 г. А. Г. Арбатов

*Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия*

E-mail: alarbatov@gmail.com

Поступила в редакцию 31.05.2021 г.

После доработки 20.06.2021 г.

Принята к публикации 05.08.2021 г.

Ключевые слова: Андрей Дмитриевич Сахаров, ядерное сдерживание, стратегическая стабильность, договоры по ограничению ядерного оружия, факторы нестабильности.

DOI: 10.31857/S0869587321120033

Академик А.Д. Сахаров не был первым, кто сформулировал идею ядерного сдерживания, то есть сдерживания агрессии других держав путём угрозы применения ядерного оружия. Однако он был первым, кто публично обнаружил и поддержал эту концепцию в Советском Союзе, где она тогда клеймилась как “агрессивная доктрина империализма”. Он был первым и тогда единственным в нашей стране, кто утверждал, что лишь сдерживание ядерного нападения является оправданной и законной функцией ядерного оружия (с чем и теперь согласны немногие и что не совпадает с положениями российской Военной доктрины). Он был первым, кто провозгласил необходимость ядерного сдерживания в двустороннем формате – взаимного ядерного сдерживания. И безусловно, он был первым (и последним) публичным советским приверженцем этой идеи среди тех, кто внёс весомый вклад в развитие ядерного оружия СССР.

В 1983 г. Сахаров писал: “Я убеждён: ядерное оружие имеет смысл только как средство предупреждения ядерной же агрессии потенциального противника, т.е. нельзя планировать ядерную войну с целью её выиграть” [1]. На этой основе впоследствии возникла концепция стратегической стабильности, которая имеет достаточно конкретное для научного анализа содержание. Она вполне осязаемо связана с понятием ядерного сдерживания, лежащего ныне в основе нацио-

нальной безопасности, стратегических отношений и политической полемики великих держав.

Концепция стратегической стабильности. Как показал опыт холодной войны, без договоров по ограничению ядерного оружия (ЯО) ядерное сдерживание стимулирует гонку вооружений, периодически обостряет угрозу ядерной войны и влечёт за собой большие материальные затраты. Исходя из этого опыта с начала 1960-х годов создавалась система контроля над ядерным оружием.

Первые три договора непосредственно по ограничению конкретных ядерных вооружений (Договор по ПРО и Временное соглашение ОСВ-1 от 1972 г. и Договор ОСВ-2 от 1979 г.) опирались на принцип паритета (“равенства и одинаковой безопасности”). После 1990 г. в основу соглашений по ограничению и сокращению наступательных стратегических вооружений (СНВ) был поставлен более ёмкий принцип стратегической стабильности. Он не был благим пожеланием в духе “миру—мир”, а имел вполне конкретное стратегическое и военно-техническое содержание. Поэтому данная концепция служила фундаментом переговоров и соглашений в последние 30 лет и стала связующим звеном между ядерным сдерживанием и международной безопасностью.

Понятие “стратегическая стабильность” было сформулировано как правовая норма в июне 1990 г. в Совместном Заявлении России и Соединённых Штатов [2]. Это понятие определялось как стратегические отношения, *устраняющие стимулы для нанесения первого ядерного удара*. Для формирования таких отношений будущие договоры о сокращении стратегических наступатель-

АРБАТОВ Алексей Георгиевич – академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.

ных вооружений (СНВ) должны были включать ряд согласованных элементов:

- *взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями* (чтобы оборона не могла ослабить ответный удар другой стороны);

- *уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях* (чтобы одним носителем с несколькими боезарядами нельзя было поразить на стартовых позициях несколько носителей противника с гораздо большим числом боезарядов);

- *оказание предпочтения средствам, обладающим повышенной выживаемостью* (чтобы их невозможно было уничтожить до запуска упреждающим ударом).

Важно подчеркнуть, что эти принципы не являлись теоретическими построениями, а были согласованы в качестве рабочей схемы Договора СНВ-1 (1991). В дальнейшем они нашли отражение в пяти последующих договорах, включая текущий Договор СНВ-3 (2010)¹. За эти годы стратегические боезаряды были сокращены в 7 раз, носители — в 3 раза, но это не было главным и не являлось самоцелью. Гораздо важнее — и именно это стало побудительным мотивом соглашений, что ракетно-ядерный баланс России и США обрёл наибольшую устойчивость в качестве барьера предотвращения ядерной войны, чем когда-либо прежде. Это означает, что ни одна из двух сторон не имеет возможности нанести первый ядерный удар, который настолько обезоружит противника, что позволит отразить его ослабленный ответный удар с помощью систем стратегической обороны (ПРО и ПВО).

Тем не менее в силу ряда обстоятельств стратегическая стабильность в настоящее время опасно расшатывается, то есть снижается её эффективность в выполнении главной миссии — предотвращения ядерной войны. Эти обстоятельства связаны с военно-техническим развитием, распадом режимов контроля над ядерным оружием, а также с изменением общего, в том числе ядерного, миропорядка. Все эти моменты вызывают к жизни новые стратегические и оперативные концепции, повышающие опасность ядерной войны в вероятной кризисной ситуации.

Академик Сахаров был первым, кто почти сорок лет назад предвидел подобное развитие событий, когда писал: «Сегодня мы вновь спрашиваем себя — является ли взаимное ядерное устрашение сдерживающим фактором на пути войны... Я убеждён, что... равновесие ядерного сдержива-

ния становится всё более неустойчивым и опасность человечеству погибнуть, если случайность или безумие, или неконтролируемая эскалация вовлекут его во всеобщую термоядерную войну — всё более реальной» [3].

Факторы дестабилизации. Причины стратегической дестабилизации прежде всего связаны с развитием военных технологий, в первую очередь высокоточных ударных систем большой дальности в обычном оснащении. Они создают опасность нападения с применением высокоточных обычных систем оружия против ядерных сил друг друга. Эффект «переплетения» («смешивания») ЯО и высокоточных обычных вооружений, в том числе новейших гиперзвуковых ракетно-планирующих, прямоточных и аэробаллистических систем, — важнейший дестабилизирующий фактор современной стратегической обстановки. Именно этот фактор способен в случае вооружённого столкновения великих держав повлечь неуправляемую эскалацию конфликта. Указанная опасность тем более велика, что расширяется развёртывание носителей двойного назначения — с ядерным или обычным боезарядом. В случае их применения характер удара — ядерный или неядерный — нельзя будет определить до момента подрыва боевой части носителя.

Не менее угрожающий фактор нестабильности — это вероятность применения ядерного оружия на локальном или региональном уровне обычного конфликта в целях его прекращения на приемлемых для себя условиях. США вменяют России планирование ограниченного применения ЯО в рамках концепции «эскалации ради дэскалации» [4] и противопоставляют ей свои аналогичные концепции и системы ядерного оружия пониженной мощности [5]. Академик Сахаров первым предвидел и эту угрозу, когда десятилетия назад указывал: «Ни одна из сторон не должна иметь соблазна ограниченной или региональной ядерной войны» [3].

Все эти моменты должно учитывать обновлённое понимание стратегической стабильности и основанные на нём переговоры об ограничении вооружений с целью устранить как прежние, так и новые стимулы для любого применения ядерного оружия.

Повестка дня переговоров по контролю над вооружениями. За последние два года кризис контроля над вооружениями стал настолько очевидным, что был признан на высшем уровне власти России, многих европейских государств и в оппозиционных кругах США. В октябре 2020 г. на вальдской встрече президент В.В. Путин выразился вполне определённо: «У мира не будет будущего, если не будет каких-то ограничений в сфере гонки вооружений...» [6]. Особенный ущерб был нанесён отказом США от Договора по ракетам сред-

¹ Речь идёт о Договоре СНВ-2 (1993), Рамочном соглашении СНВ-3 (1997), соглашении о разграничении систем стратегической ПРО и противоракетной обороны ТВД (1997), Договоре СНП (2002), Договоре СНВ-3 (2010).

ней и меньшей дальности в 2019 г., что выбило второй краеугольный камень режима контроля над ядерным оружием после выхода США из Договора по ПРО в 2002 г.

Приход к власти администрации Дж. Байдена позволил в феврале 2021 г. продлить на 5 лет последнее соглашение в этой сфере — Договор СНВ-3. Однако десятилетняя пауза в контроле над вооружениями после 2011 г. не прошла даром. Даже не говоря о высоком уровне политической напряжённости между Россией и США, в подходе держав к существу вопроса возникли серьёзные противоречия. Впервые за полвека переговоров стороны изначально расходятся в принципиальном вопросе — главном предмете будущего договора. Коротко говоря, США хотят сократить *как стратегические, так и тактические ядерные вооружения*, а Россия стремится ограничить *как ядерные, так и неядерные стратегические вооружения*. И также впервые основная проблема связана не с традиционными стратегическими наступательными вооружениями — баллистическими ракетами подводных лодок и межконтинентальными ракетами наземного базирования (БРПЛ и МБР), тяжёлыми бомбардировщиками (ТБ), — а с побочными стратегическими и военно-техническими вопросами.

Российский подход состоит в том, чтобы развивать контроль над ядерными вооружениями не путём глубокого сокращения (то есть вглубь), но за счёт расширения охвата ограничиваемых систем оружия (то есть вширь), тем более что третьи ядерные государства вряд ли присоединятся к процессу в ближайшие пять лет. Видимо, именно такой путь подразумевается концепцией “уравнения безопасности”, которую выдвинуло российское руководство². По этой модели, помимо традиционных МБР, БРПЛ и ТБ, следует ограничить ракетно-планирующие и другие аэродинамические системы большой дальности в обычном оснащении авиационного, морского и, возможно, наземного базирования. Предполагается также ограничить системы ПРО и запретить орбитальные вооружения.

Расширение договора на небаллистические ракеты в обычном оснащении полностью соответствует концепции стратегической стабильности и отвечает на новейшие угрозы безопасности. Но договор предполагает решение сложнейших задач: согласование дефиниций ракетно-планирующих гиперзвуковых систем оружия, правил их засчёта и режима верификации, разграничение стратегических и оперативно-тактических кры-

латых ракет, развёрнутых и неразвёрнутых ракет и их носителей, а также идентификацию многоцелевых ракетных пусковых установок.

Предложение США ограничить все ядерные боеголовки с целью сократить тактическое ядерное оружие (ТЯО) может стать ещё большим камнем преткновения. Ведь таким образом США в корне меняют повестку дня, и речь уже идёт не об СНВ, а в целом о развёрнутых и неразвёрнутых ядерных боеприпасах (ЯБП). Помимо стратегических боезарядов (БЗ)³, все остальные ядерные боезаряды (ЯБЗ) в мирное время находятся в разнообразных хранилищах. Какой-либо согласованный потолок предполагает учёт и контроль непосредственно в хранилищах, на предзаводских складах заводов-изготовителей серийных боеприпасов, в секретных конструкторских лабораториях, а в пределе — в хранилищах ядерных оружейных материалов из ликвидированных боезарядов и даже на промышленных предприятиях обогащения урана и сепарации плутония.

Такой режим контроля связан с изрядными затратами, пересмотром стандартов секретности и гораздо большей степенью ядерной открытости, чем была даже в 1990-е годы, когда ядерные лаборатории России и США сотрудничали, осуществлялись программы Нанна—Лугара и ВОУ-НОУ [8, 9].

На нынешнем этапе переговоров по СНВ едва ли реалистично рассчитывать на большее, нежели политически обязывающие заявления обеих держав не наращивать общее количество их ядерных боеприпасов в любом месте пребывания и режиме хранения (тем более что они и так сокращают свои запасы). В этой связи можно согласовать некоторые меры добровольной открытости и меры доверия по аналогии со взаимным ограничением ядерных крылатых ракет морского базирования США и СССР в Договоре СНВ-1 и односторонними политическими инициативами США и СССР/РФ от 1991—1992 гг. по сокращению тактического ядерного оружия. А юридически обязывающее и контролируемое ограничение всех ЯБП лучше отложить на более отдалённое будущее ядерного разоружения, тем более что это предполагает участие третьих ядерных государств.

В контексте переговоров по СНВ новый договор об ограничении систем ПРО маловероятен. С момента Договора по ПРО 1972 г. две стороны далеко разошлись в техническом развитии противоракетных систем, их базировании, предназначении и “адресате”. Уложить столь различные

² Замминистра иностранных дел РФ С.А. Рябков объяснил её так: “По сути, мы предлагаем расширить стратегическую повестку дня и включить в неё все наступательные и оборонительные вооружения, как ядерные, так и неядерные, способные решать стратегические задачи” [7].

³ Боезаряд (БЗ) является условной единицей количественного ограничения ядерных сил по СНВ. Ядерный боезаряд (ЯБЗ) или ядерный боеприпас (ЯБП) — реальная (физическая) ядерная боеголовка или авиабомба на любом носителе или в хранилище.

системы и программы в новый единый равноправный договор исключительно трудно. Тем не менее остроту противоречий следовало бы как минимум смягчить путём мер доверия и предсказуемости и обсуждать их в специальной группе переговоров, как при подготовке Договора СНВ-1 в 1990–1991 гг.

Вопрос о космическом оружии целесообразно рассматривать отдельно, параллельно с переговорами по СНВ, чтобы не завести их в многолетний тупик. Одна трудность связана с разграничением орбитальных систем оружия (которых пока нет) и уже созданных противоспутниковых систем наземного, морского и воздушного базирования. Вторая проблема – в ограничении многоцелевых противоспутниковых систем, которые трудно отделить от систем ПРО, систем направленной передачи энергии (РЭБ, лазерных), орбитальных шаттлов и маневрирующих спутников, сближающихся с космическими аппаратами других стран. Начать можно было бы с принятия российско-китайского проекта Договора по этому вопросу 2008 г. в качестве политически обязывающего кодекса безопасного использования космического пространства, а параллельно начать переговоры об ограничении развития конкретных систем космического (в первую очередь противоспутникового) оружия и регламентации потенциально угрожающих орбитальных манёвров.

Полувековой опыт стратегических переговоров показал, что преодоление даже очень больших препятствий и противоречий сторон возможно при наличии политической воли и реалистического мышления государственных руководителей, высокого профессионализма и упорного труда гражданских и военных специалистов. Сегодня потребность в таких ресурсах велика как никогда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Опасность ядерной войны. Открытое письмо доктору Сиднею Дреллу, февраль 1983. https://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_atom.html
2. Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Государственный визит Президента СССР М.С. Горбачёва в Соединённые Штаты Америки, 30 мая – 4 июня 1990 года. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990. С. 197–199; Soviet–United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. 01.06.1990. <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18541> (accessed 15.03.2018).
3. Письмо по поводу присуждения премии имени Лео Сцилларда, апрель 1983. <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=2095>
4. Актуальные задачи развития Вооружённых сил Российской Федерации // Красная звезда. 11.10.2003. http://old.redstar.ru/2003/10/11_10/3_01.html (дата обращения 02.02.2018).
5. Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. February 2018, Washington, DC. <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-> (accessed 01.03.2018).
6. Владимир Путин в режиме видеоконференции принял участие в итоговой пленарной сессии XVII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба “Валдай”. 22 октября 2020 г. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64261>
7. Рябков: Россия предлагает США включить в стратегическую повестку безъядерные вооружения. ТАСС. 27.01.2021. <https://tass.ru/politika/10557045> (дата обращения 14.02.2021).
8. *Рыбаченков В.* Российско-американское сотрудничество по программе совместного уменьшения угрозы. Стенограмма лекции, состоявшейся 18 апреля 2002 г. в Московском физико-техническом институте для слушателей курса “Стратегические вооружения и проблемы безопасности”. М.: Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. Ч. 2. <https://armscontrol.ru/course/lectures/rybachenkov4.htm> (дата обращения 14.02.2021).
9. *Козичев Е.* Как работала программа Нанна–Лугара. История вопроса // Коммерсантъ. 10.10.2012. № 190 (4975).